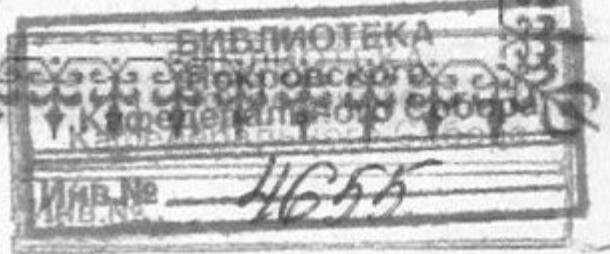

Святитель Тихон,
Патриарх Московский и всея Руси

Вегетарианство
и его отличие
от христианского
поста

Москва
«Новая книга»

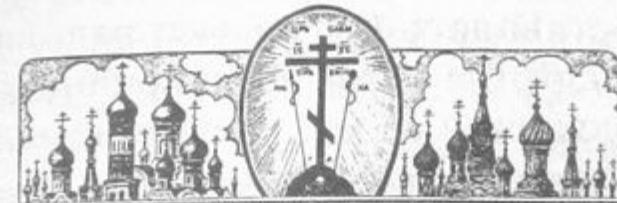

Одобрено
Издательским Советом
Московской Патриархии

Святитель Тихон (Белавин).
Вегетарианство и его отличие
от христианского поста.
М.: «Новая книга», 1996. 32 с.

ISBN 5-7850-0015-6

© Оформление «Новая книга», 1996

Вегетарианство и его отличие от христианского поста

Христианский пост многократно и многообразно подвергался нападениям и нареканиям со стороны «плотских» людей. Нападения эти становятся тем ожесточеннее, чем более в известное время люди ходят *по плоти* и заботятся об угождении ей. В такие времена господства плоти и измельчания духа голоса в защиту поста раздаются редко и робко. Тем приятнее слышать голос в пользу поста, раздавшийся в наши дни из мира светского, который далеко не часто поет в унисон с миром духовным, церковным. Разумеем вегетарианское

движение, возникновению которого оставалось бы только радоваться, если бы сами вегетарианцы не допускали в своем учении немалых промахов и погрешностей.

Под именем вегетарианства разумеется такое направление в воззрениях современного общества, которым допускается употребление в пищу только растительных продуктов, а не мяса и рыбы* (отсюда произошло и название вегетарианства от латинского слова *vegetare* — произрастать). В защиту своего учения вегетарианцы приводят данные 1) из *анатомии*: человек принадлежит к разряду существ плотоядных, а не всеядных и плотоядных; 2) из *органической химии*: растительная пища содержит все необходимое для питания и может поддерживать силы и здоровье человека в той же степени, как и

* Лишь некоторые вегетарианцы допускают употребление в пищу молока и яиц (прим. авт. здесь и далее).

пища смешанная, то есть животно-растительная; 3) из *физиологии*: растительная пища лучше усваивается, чем мясная; 4) из *медицины*: мясное питание возбуждает организм и сокращает жизнь, а вегетарианское, напротив, — сохраняет и удлиняет ее; 5) из *экономии*: растительная пища дешевле мясной; 6) приводятся наконец и *нравственные* соображения: убивание животных противно нравственному чувству человека, тогда как вегетарианство вносит мир и в собственную жизнь человека, и в его отношения к миру животных*. Некоторые из этих соображений высказывались еще в глубокой древности, в мире языческом (Пифагором, Платоном, Сакиа-Муни); в мире христианском они чаще повторялись, но все же высказывавшие их были единичными личностями и не

* Все эти данные подробно раскрыты в сочинениях «Научные основания вегетарианства», «Вегетарианская кухня» и др.

составляли общества; только в середине нынешнего столетия в Англии, а затем и в других странах возникли целые общества вегетарианцев. С тех пор движение вегетарианское все более и более возрастает; все больше и чаще встречается последователей его, которые ревностно распространяют свои взгляды и стараются осуществить их на деле; так в западной Европе есть немало вегетарианских ресторанов (в одном Лондоне их до тридцати), в которых кушанья готовятся исключительно из растительной пищи; издаются книги вегетарианского поваренного искусства, в которых содержатся расписания кушаний и наставления для приготовления более восьмисот блюд. У нас в России также есть последователи вегетарианства, к числу которых принадлежит и известный писатель граф Лев Толстой.

Вегетарианству обещают* широкое будущее, так как, говорят, человечество волей-неволей в конце концов придет к способу питания вегетарианцев. Уже и теперь в некоторых странах Европы замечается явление уменьшения скота, а в Азии это явление почти уже совершилось, особенно в наиболее населенных странах — в Китае и Японии, так что в будущем, хотя и не близком, совсем не будет скота, а следовательно, и мясной пищи. Если это так, то вегетарианство имеет ту заслугу, что его последователи разрабатывают способы питания и образа жизни, к которому рано или поздно люди должны будут примкнуть. Но кроме этой проблематичной заслуги вегетарианству принадлежит та несомненная заслуга, что оно предъявляет по

* Например, профессор Бекетов в брошюре «Питание человека» и в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефона, т. V, с. 691.

адресу нашего сластолюбивого и изнеженного века настойчивый призыв к воздержанию.

«Присмотритесь, — говорит Толстой, — к нашей жизни, к тому, чем движимо большинство людей нашего мира; спросите себя, какой главный интерес этого большинства? И как ни странно это может показаться нам, привыкшим скрывать наши настоящие интересы и выставлять фальшивые, искусственные, главный интерес жизни большинства людей нашего времени — это удовлетворение вкуса, удовольствие еды. Начиная с беднейших до богатейших сословий общества, обжорство, я думаю, есть главная цель, есть главное удовольствие нашей жизни. Бедный, рабочий народ составляет исключение только в той мере, в которой нужда мешает ему предаваться этой страсти. Как только у него есть время и средства к тому, он, подражая высшим классам,

приобретает самое вкусное и сладкое... А посмотрите на жизнь людей образованных, послушайте их разговоры. Какие все возвышенные предметы как будто занимают их: и философия, и наука, и искусство, и поэзия, и распределение богатств, и благосостояние народа, и воспитание юношества; но все это для огромного большинства — ложь, все это их занимает между делом, между настоящим делом — завтраком и обедом, пока желудок полон, и нельзя есть еще. Интерес один живой, настоящий интерес большинства — это еда. Как поесть, что поесть, когда, где? Ни одно торжество, ни одна радость, ни одно открытие чего бы то ни было не обходится без еды. Люди притворяются, что обед, еда им не нужны, даже в тягость; но это ложь. Попробуйте вместо ожидаемых ими утонченных блюд дать им, не говорю — хлеба с водою, но каши и лапши, и посмотрите, какую бурю

это вызовет, и как окажется то, что действительно есть, именно то, что в собрании этих людей главный интерес не тот, который они выставляют, а интерес еды»*.

Конечно, в приведенной характеристике современного общества есть некоторое преувеличение, но есть и значительная доля правды. Посему и настойчивый призыв со стороны вегетарианцев к воздержанию, к сокращению прихотей является как нельзя более кстати; и если бы они ограничились этим призывом, то оставалось бы только радоваться успеху и росту вегетарианского движения. Но нередко успех кружит голову и надмевает человека. То же случилось и с последователями вегетарианства: они приписывают ему то, чего оно не имеет и не может иметь.

Вегетарианцы думают, что если

* «Первая ступень» в предисловии к «Этике пищи», XXI—XXIII.

бы люди не употребляли мясной пищи, то на земле давно уже водворилось бы полное благоденствие. Еще Платон, который показал нам пример того, как можно умно рассуждать об идеях и тому подобных высоких материях и в то же время далеко не умно решать вопросы из области государственной и общественной жизни, еще Платон в своем диалоге «О республике» корень несправедливости, источник войн и других зол находил в том, что люди не хотят довольствоваться простым образом жизни и суровой растительной пищей, а едят мясо*. А у другого сторонника вегетарианства, уже из христиан, анабаптиста Трайона (умер в 1703 году), находятся на этот счет слова, которые автор «Этики пищи» приводит в своей книге с особым «удовольствием». «Если бы люди,— говорит

* Уильямс «Этика пищи», с. 27.

Трайон,— прекратили раздоры, откались от угнетения и от того, что способствует и располагает их к тому — от умерщвления животных и употребления в пищу их крови и мяса,— тогда в короткое время ослабели бы, а может быть, и совсем перестали бы существовать между ними взаимные смертоубийства, дьявольские распри и жестокости... Тогда прекратится всякая вражда, не будет слышно жалостных стонов ни людей, ни скотов. Тогда не будет ни потоков крови убитых животных, ни зловонья мясных рынков, ни окровавленных мясников, ни грома пушек, ни сожжения городов. Исчезнут смрадные тюрьмы, рушатся железные затворы, за которыми томятся люди вдали от жен, детей, свежего вольного воздуха; смолкнут вопли просящих пищи или одежды. Не будет ни возмущений, ни хитроумных изобретений для разрушения в

один день того, что созидалось тяжким трудом тысяч людей, ни страшных ругательств, ни грубых речей. Не будет ни напрасного истязания животных непосильной работой, ни растления девиц. Не будет отдачи в аренду земель и ферм по таким ценам, которые принуждают съемщика изнурять и себя, и слуг, и скот почти до смерти и все-таки оставаться в неоплатном долгу. Не будет угнетения низших высшими, не будет нужды за отсутствием излишеств и обжорства; смолкнут стоны раненых; не нужно будет медиков для вырезывания пуль из их тел, для отнятия раздробленных или поломанных рук и ног. Затихнут крики и стоны страждущих от подагры или других тяжких болезней (вроде проказы или чахотки), кроме недугов старости. И дети перестанут быть жертвами бесчисленных страданий и будут такими же здоровыми, как

ягнята, телята или детеныши всяких иных животных, не знающих недугов»*.

Вот какую обольстительную картину рисуют вегетарианцы, и как легко всего этого достигнуть: стоит не есть мяса и на земле водворится настоящий рай, жизнь безмятежная и беспечальная.

Позволительно, однако, более чем усомниться в осуществимости всех радужных мечтаний вегетарианцев. Хотя они и заявляют, что «их система поражает самый корень зла и обещает выгоды не утопические»**, однако от того, что люди перестанут есть мясо, едва ли водворится на земле рай, Царство Божие, *ибо Царствие Божие*, по премудрому слову Апостола Павла, *не пища и питие, но праведность, и мир и радость в Святом Духе* (Рим. 14, 17). Христианское

* «Этика пищи», с. 138, 140.

** «Этика пищи», с. 280.

учение всегда было чуждо духа мечтательности. Оно тем и отличается от разных утопических теорий, что ясно различает идеал и действительность и, указывая человеческим стремлениям конечную цель в идеале, в то же время никогда не теряет из виду и действительности. А в этой-то действительности и невозможно полное осуществление идеального счастья. Нужды, горе и ссоры всегда будут отравлять земную жизнь человека, всегда будут спутниками в нашем настоящем состоянии, так как причина этих несчастных явлений не внешняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая, внутренняя, заключающаяся в греховном состоянии самой природы человека, в повреждении ее грехом. Пока такое состояние человеческой природы будет продолжаться, пока не изменятся в корне ненормальные условия нашей жизни, пока не восстановятся у нас правильные

отношения к Богу, к собственному назначению и к внешнему миру, то есть пока настоящая жизнь не сменится новой вечной жизнью, пока не откроется для человечества *новое небо и новая земля, в которых правда живет* (2 Петр. 3, 13),— до тех пор всегда будут нужды, бедность, горе и болезнь. А так как корень всех этих бедствий лежит гораздо глубже, чем думают вегетарианцы и подобные им мечтатели, то и средство, на которое они указывают, одно само по себе не может уврачевать зла: оно слишком для этого мало, поверхностно и незначительно.

То правда, что воздержание вообще, и в частности от употребления мясной пищи, обуздывает наши страсти и похоти плотские, дает большую легкость нашему духу и помогает ему высвободиться из-под владычества плоти и покорить ее своему господству и управлению. Однако было бы ошибочно

полагать это телесное воздержание в основу нравственности, выводить из него все высокие нравственные качества и думать вместе с вегетарианцами, что «растительная пища сама по себе создает много добродетелей»*. Вопреки мечтам вегетарианцев, один из подвижников благочестия (преподобный Иоанн Кассиан), которых, конечно, никак уже нельзя заподозрить в небрежении к посту, при виде трапезы которых, напротив, даже Ангелы небесные радовались, по выражению св. Иоанна Златоуста,— говорил, что «мы не полагаем надежды на один пост (телесный). Он не есть сам по себе благо или сам по себе необходим. Он с пользою соблюдается для приобретения чистоты сердца и тела, чтобы, притупив жало плоти, человек приобрел умиротворение духа. Но пост иногда обращается даже в погибель души, если

* «Этика пищи», с. 215.

неблаговременно соблюдается. Надобно стараться, чтобы те добродетели, которые составляют истинное добро, были приобретаемы постом, а не для поста должны быть совершаемы действия тех добродетелей. Итак, для того полезно скрушение плоти, для того к нему должно быть присоединяemo врачество воздержания от пищи, чтобы чрез него мы могли достигнуть любви, в которой заключается неизменное и постоянное добро»*.

Значит, пост телесный служит только средством и пособием для приобретения добродетелей — чистоты и целомудрия и должен необходим соединяться с постом духовным — с воздержанием от страстей и пороков, с удалением от худых помыслов и злых дел. А без этого сам по себе он не достаточен для спасения. Не делаем выписок о сем

* «Монашеская жизнь по изречениям по ней подвижников», вып. I, с. 77—78.

из творений святых отцов, так как трудно «вместити пищемых»: все отцы и подвижники согласно учат, что истинный пост бывает тогда, когда человек воздерживается от зла. Взамен всего приведем характерный рассказ о св. Макарии Великом. Ему однажды сам искуstель сказал: «Я не силен против тебя, Макарий. Все, что ты делаешь, и я делаю. Ты постишься, а я совсем не ем. Ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одним только ты побеждаешь меня». «Чем же?» — спросил Макарий. «Смирением, — ответил диавол.— Вот почему я не силен против тебя»*. Отсюда видно, что нельзя еще возлагать все надежды на один телесный пост.

Не считая одного телесного поста достаточным для спасения, подвижники благочестия в то же время не признавали и того, чтобы пост этот был для всех всегда

* «Монашеская жизнь...», вып. I, с. 101.

обязателен (как хотят того вегетарианцы); ибо, говорит св. Нил Сорский: «все организмы невозможno подчинять одному и тому же правилу: тела имеют большое различие в силе, как медь и железо в сравнении с воском»*. Проповедуя только постоянную умеренность в пище и питии и сами воздерживаясь от вкушения мяса, они для других не запрещали вкушения по временам мясной пищи. «Нужно все употреблять во славу Божию,— говорили они,— ни от чего совершенно не удаляясь, как делают еретики, безрассудно отвергающие то, что Бог сотворил весьма хорошим. От всех находящихся снедей, хотя бы и сладких, нужно брать понемногу. Таково рассуждение мудрых, а не то, чтобы некоторые роды пищи выбирать, а другие оставлять; да бы и Бога благодарить и сохранить ненадменность души: так мы

* «Монашеская жизнь...», вып. I, с. 68.

избегнем возношения и не будем гнушаться тем, что Бог сотворил хорошим»*. Тех же людей, которые останавливаются на веществе снедей и питания, оставляя в стороне «разумение,— таковых отцы называют «нерассудительными». «Эти нерассудительные люди ревнуют посту и трудам святых с неправильным разумением и намерением и думают, что они проходят добродетель. Диавол же, стерегущий их как свою добычу, ввергает в них семя радостного мнения о себе, от которого зарождается и воспитывается внутренний фарисей, и предает таких совершенной гордыне. Ибо ничто столь удобно не побуждает к гордости, как знающая о многих своих заслугах совесть и дума, живущая в уповании на оные»**. К таким людям обращается с предостережением и пресвитер Исидор:

* «Монашеская жизнь...», вып. I, с. 69, 81.

** «Монашеская жизнь...», вып. I, с. 98.

«Если подвизаетесь, — говорит он,— то не гордитесь; если же тщеславитесь сим, то лучше есть мясо, ибо не так вредно есть мясо, как гордиться и надмеваться». А отцы Гангрского собора даже возглашают анафему тому: «если кто осуждает человека, который с благоговением и верою вкушает мясо (кроме крови и идоложертвенного)».

Таков по истине мудрый взгляд Святой Церкви на вкушение мяса. В своих постановлениях она всегда имеет в виду не какого-то отвлеченного, бесстрастного и бесплотного человека, какового нередко имеют в виду разные мечтатели вроде вегетарианцев, а человека живого, плоть носящего, человека со всеми его нуждами, потребностями, немощами; и к ним Церковь, следуя примеру Своего Божественного Основателя, относится с величайшей снисходительностью и милосердием. Бывали примеры, что великие подвижники и святые

мужи — эти лучшие выразители церковных воззрений,— «сразуждая немощному естеству человеческому», не только не укоряли тех, которые ели в пост «неподобающие снеди», но даже и сами «мало» вкушали от сих снедей.

Так, о святителе Тихоне рассказывают, что когда он жил на покое в Задонском монастыре, то однажды в пятницу на шестой неделе великого поста посетил монастырского схимника Митрофана. У него последнего в это время был гость, некто Косма Студеникин, елецкий гражданин, которого за его благочестивую жизнь любил и святитель. Случилось, что в этот день знакомый рыбак принес отцу Митрофану для Вербного воскресенья живого верезуба. Так как гость не рассчитывал пробыть до воскресенья в обители, то схимник и распорядился сряду же приготовить из верезуба уху и холодное. За этими яствами и застал святитель

Митрофана и его гостя. Схимник, испугавшись такого неожиданного посещения и считая себя виновным в нарушении поста, пал к ногам святителя Тихона и умолял его о прощении. Но святитель, зная строгую жизнь обоих друзей, сказал им: «Садитесь, я знаю вас; любовь — выше поста». При этом сел сам за стол, съел ложки две ухи и угощал Косму. Такое снисхождение и доброта святителя поразили друзей: им известно было, что святитель Тихон во весь великий пост по понедельникам, средам и пяткам не употреблял даже масла, а тем более рыбы*.

А о другом подвижнике благочестия, еще при жизни прославившемся даром чудотворения, святитеle Спиридоне Тримифунтском, рассказывается, что некто зашел к нему с пути уже по наступлении великого поста, когда святитель с

* «Жизнь св. Тихона Зад.». М., 1863. С. 165—167.

домашними держал по обыкновению строжайший пост и вкушал пищу только в известные дни, оставаясь в прочие совсем без пищи. Видя, что странник очень устал, Спиридон велел дочери своей предложить путнику покушать. Та отвечала, что нет ни хлеба, ни муки, ибо запас этого по причине поста был бы излишен. Тогда святитель помолился, попросил прощения и приказал дочери изжарить случившегося в доме соленого свиного мяса. После изготовления его Спиридон, посадив с собой странника, начал есть мясо и убеждал и своего гостя делать тоже; а когда последний отказывался, называя себя христианином, святитель сказал: «Тем менее надо отказать отъяться, ибо Слово Божие изрекло: для чистых все чисто» (Тит. 1, 15)*.

Не знаем, известны ли эти случаи вегетарианцам и как они к ним

* Созомен «Церк. история», кн. I, гл. II.

относятся; но думается, что с вегетарианской точки зрения указанные святые мужи представляются «немощными». Однако святой Апостол Павел в Послании к римлянам (гл. 14, ст. 2), где тоже в свое время были споры о том, есть ли мясо или только овощи, называет немощным того, кто считает позволительным для христианина есть только овощи — и кто на вкушение мяса смотрит как на что-то нравственное и преступное (как и смотрят наши вегетарианцы).

И действительно, такой человек есть немощный христианин, готовый, по словам Апостола, возвратиться к немощным и бедным вещественным началам и снова поработить себя им (Гал. 4, 9). Такой человек думает, что пища *сама по себе* может приблизить нас к Богу (I Кор. 8, 8), как будто Царство Божие есть пища и питие, а не праведность, мир и радость во Святом Духе (Рим. 14, 17); он забывает, что все чисто (Рим.

14, 20), и всякое творение Божие хорошо и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением (I Тим. 4, 4). Не предосудительно посему и вкушение мяса в те дни, когда оно разрешается Святой Церковью.

Вначале роду человеческому были назначены Богом в пищу семена и плоды (Быт. 1, 23). Но когда человек грехом повредил всю свою природу и навлек проклятие и на землю, то растительная пища оказалась недостаточной для рода человеческого, и из Библии мы знаем, что после потопа Сам Бог наряду с зеленью травной дает в пищу людям и животных, и птиц, и рыб (Быт. 9, 3). Стало быть, употребление мясной пищи разрешено самим Богом* и, как

* На это Уильямс, автор «Этики пищи», возражает, что если защищать мясоедение на основании Библии, то придется, чтобы быть последовательным, защищать и рабство, и многоженство, и самые варварские войны (с. 208 примеч.). Но для всякого непредубежденного человека ясно видно, что есть существенная разница между вкушением мясной пищи и хотя бы, например, многоженством; и из Библии видно, что первое Бог разрешает и благословляет, а второе *только на время попускает*.

такое, оно не заключает в себе ничего противозаконного и безнравственного.

Но убивая животных в пищу, человек этим самым, по словам вегетарианцев, нарушает принципы справедливости и сострадания к животным. Он лишает их жизни, которую дал им не он, и причиняет им столь ужасные страдания, что даже привычным людям иногда становится жутко при виде мучений, испытываемых животными. В сочинениях вегетарианцев («Научные основания вегетарианства», «Этика пищи») целые страницы посвящены картинному описанию тех жестоких мучений, которым подвергает животных человек, этот «сластолюбивый обжора», «ненасытный чревоугодник», «злой палач». Сострадание, конечно, чувство в высшей степени почтенное, но только в таком случае, если оно носит трезвый и здравый характер, а

не ложный и сентиментальный. Встречаются иногда особы, которые падают в обморок при визге собаки, но которые остаются безучастными к слезам и горю человека. Кто же такое чувство сострадания признает здравым и истинным? Или кто одобрит индейцев, устраивавших госпитали для кур, голубей и в то же время допускавших, чтобы парии тысячами умирали от жажды во время засухи, и не позволявших им пользоваться водой из колодцев людей знатных. В таких случаях сострадание и любовь к животным развивается за счет людей и в прямой ущерб этим последним.

Этот недостаток индусов, религией которых так восхищаются вегетарианцы главным образом за ее «возвышенные принципы милосердия к животным», присущ и вегетарианству. Защищая права животных, вегетарианцы, как говорится,

«хватили через край». Очень многие из них* признают, что «животные совершенно однородны с человеком и в физическом, и в нравственном отношении», как и человек «наделены разумом и нравственным чувством», иногда даже «в большей степени», «имеют те же понятия, чувства и способности»**; «животные одного с человеком класса», «имеют одинаковое с ним право на жизнь», «они наши братья», и посему убийство их есть «братоубийство».

Но рассуждая так вегетарианцы этим самым заявляют себя сторонниками материализма, который тоже не видит существенной разницы между человеком и животными. А материализм давно уже потерял всякий кредит в глазах ученого

* Например, Освальд, Бентам, Никольсон, Глейзе, Мишле, Гольц и наконец сам автор «Этики пищи» Уильямс.

** «Неужели души всех животных, кроме человеческой, смертны или созданы совершенно иначе?» — вопрошает один вегетарианец («Этика пищи», с. 346).

мира: нет ни одного серьезного и беспристрастного ученого, который бы стал утверждать, что внутренний мир человека и животных один и тот же*.

Эти материалистические тенденции очень вредят чистоте вегетарианского учения и нельзя не пожалеть, что вегетарианцы вместо того, чтобы вести дело проповеди своих идей в союзе со Святой Церковью и в духе учения Христова, предпочитают черпать подкрепление своим воззрениям из мутных кладезей ложных учений.

* Если и были «философы», которые утверждали противное, то еще св. Василий Великий говорил своим современникам: «Убегай бредней угрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою и говорить о себе, что они были некогда и деревьями, и морскими рыбами. А я хотя и не скажу, бывали ли они когда-нибудь рыбами, однако же со всем усилием готов утверждать, что когда писали сие, то были бессмысленнее рыб».